

(Изъ былого).

I.

Вотъ уже три дня въ нашемъ городишкѣ продолжается вьюга. Вѣтеръ—сѣверный, свирѣпый, крутитъ снѣгъ и наваливаетъ такими сугробами, что приходится откапываться, чтобы пройти въ погребъ или навѣстить корову. Дѣла всѣ стали, нѣтъ базара, присутственныя мѣста опустѣли, къ великому благополучію невольниковъ пера, всякій сидитъ у себя дома и боится высунуть носъ на улицу. Хорошіи хозяинъ и собаки на дворъ не выгонитъ. По временамъ несется унылый звонъ. Это—подача голоса заблудившимся. Что-же дѣлать въ такую погоду? Самое лучшее найти теплый уголокъ, пріютиться въ немъ, укутавшись получше и, для юношей—мечтать, для стариковъ—вспоминать.

II.

Переношусь во времена первой юности. Вижу себя довольно стройнымъ, худымъ и полнымъ энергіи молодымъ человекомъ, въ сюртукъ съ синимъ студенческимъ воротникомъ, восторженнымъ поклонникомъ природы и жаждущимъ охотничьихъ впечатлѣній. Я пережилъ уже время первыхъ охотничьихъ экскурсій, обладалъ своимъ ружьемъ,—какимъ-то коротенькимъ отрѣзкомъ отъ когда-то порядочнаго ружья, прозваннымъ товарищами по охотѣ мухобойкою,—и своею собакою, неистовымъ желтопѣгимъ пойнтеромъ, вся задача дѣятельности котораго заключалась въ томъ, чтобы освободить окрестность, на разстояніи двухъверстнаго радіуса отъ цен-

тра нахожденія хозяина, отъ всякаго присутствія всего летающаго, плавающаго и бѣгающаго. Король, такъ звали пойнера, тщательно расчищалъ путь въ предѣлахъ всей окружности въ какую бы сторону центра ея ни передвигался. Онъ обладалъ нужнымъ для этой задачи чутьемъ, поискомъ и ногами, но тѣмъ не менѣе хозяину его все-таки иногда удавалось кое-что пострѣливать. Какъ-то выдалась прелестная осень: въ октябрѣ мѣсяцѣ чудесные теплые дни, тихіе до того, что листь не шелохнетъ. Сорвавшіеся съ верху высокихъ вязовъ, изъ немногихъ оставшихся, листья, медленно кружатся, точно все хотятъ упасть на землю. Паутины стоятъ въ воздухѣ. Тоска въ нашей деревнѣ, удаленной отъ охотничьихъ угодій.

Проходишь цѣлый день и счастливъ, если поднимешь стайку запоздалыхъ дроздовъ или полюбуешься на вскочившаго внѣ мѣры напуганнаго русака. Тянетъ мучительно туда, гдѣ на каждомъ шагѣ катитъ бѣлякъ, гдѣ ельникъ, можжевельникъ, клюковникъ, трещатъ бѣлыя куропатки, букетами разлетаются тетерева... Стрѣляй вволю!...—и стонъ стоитъ по болоту отъ падающей крупной дичи... Но попасть туда по многимъ обстоятельствамъ мудрено...

И томится, и ноетъ душа. Опротивѣли два, три колка лѣса, два, три оврага, да знакомые куски полей, гдѣ ежедневно та же исторія: недостатокъ дичи и обиліе такихъ же горемыкъ-охотниковъ изъ городскихъ, привязанныхъ къ мѣсту.

Вдругъ гонецъ!.. получаю письмо. Пріятель изъ сосѣдняго уѣзда прислалъ за мной, зоветъ на цѣлую недѣлю. Соединилось нѣсколько охотъ, нѣсколько стай гончихъ, и нѣсколько борзятниковъ, и рѣшились пройти насквозь всѣ знаменитые Долгіе Кусты. Онъ, мой пріятель, тоже участвуетъ въ этой охотѣ съ своими собаками и выговорилъ у охотниковъ право пригласить меня съ ружьемъ. Въ моемъ распоряженіи будетъ отдѣльный экипажъ съ кучеромъ. Пріятель прибавляетъ, чтобы я ни о чемъ не думалъ, ни о чемъ не заботился и не бралъ-бы никакихъ запасовъ. Все будетъ что нужно.

Это-ли не счастье, это-ли не благодать!

Въ два часа я собрался и поѣхалъ.

Что лучше: наслажденіе или предвкушеніе наслажденія? Это вѣчный и неразрѣшимый вопросъ.

Послѣ мѣсячнаго сидѣнія на мѣстѣ, въ скучнѣйшей, съ точки зрѣнія охотника, подгородной дачѣ, послѣ мѣсячной варки въ тоскѣ и томленіи, очутиться на свободѣ ѣдущимъ даже не на охоту, а на цѣлое охотничье странствіе, при лучшей, задушевной, полной разнообразія и богатой душу волнующими впечатлѣніями охотничьей обстановкѣ!... — Пусть только читатель вообразить, въ какомъ состояніи духа я находился; описать его очень трудно.

III.

Я здѣсь не имѣю въ виду передавать все, что случилось съ нами въ это поистинѣ волшебное время, въ волшебной средѣ. Все, что придется сказать по этому поводу, должно служить только рамкой, чтобы показать и изобразить передъ вами Бишку, чудную Бишку, недостижимый охотничій идеаль.

Долгіе Кусты—это цѣлая сѣть овраговъ, поросшихъ кустарниками, а мѣстами и лѣсомъ, которая проходитъ чуть-ли не черезъ весь уѣздъ. Открываясь широкими устьями къ протекающимъ по уѣзду рѣчкамъ, въ головахъ, поляхъ, они образуютъ многочисленныя петли, обхватывая, облекая со всѣхъ сторонъ полосы озимей, просяницъ и прочихъ соблазнительныхъ для охотничьей души насажденій. Мѣстами по оврагамъ идутъ ручьи съ густо заросшими ивнякомъ и лозой берегами. Мѣстами эти берега топки и поросли ольхой. А есть такіе овражки, гдѣ отъ ольхи прямо идетъ непроходимая лѣсная крѣпъ, гдѣ терновникъ изорветъ платье всякому дерзновенному, попытавшемуся въ него сунуться. Настоящія джунгли, большія пространства частаго березняка, дубовыя рощи съ густымъ подѣдомъ, полуверстной ширины склоны орѣшника и безконечные холмы всѣхъ видовъ и величинъ, заросшіе мелкимъ ровнымъ, кустарникомъ.

Но лучше всего длинные языки мелкаго лѣса, вдающіеся въ поля и сходящіеся на нѣтъ. Кончается этотъ языкъ, а за перемычками, шаговъ въ двѣсти-триста шириною, подходятъ языки слѣдующихъ овраговъ. Есть, впрочемъ, и сплошные острова, куски лѣса почтенныхъ размѣровъ. Это охотничье

эльдорадо, теперь, вѣроятно, уже исчезнувшее безслѣдно, въ то время кишѣло дичью: волкъ, лиса, русакъ, бѣлякъ, тетерева, куропатки, вальдшнепы и перепела держались въ изобиліи. Изрѣдка и иногда попадались барсуки, дрофы. Тянулись Долгіе Кусты, какъ я сказалъ уже, на нѣсколько десятковъ верстъ въ длину и ширину.

Нашей сборной охотѣ приходилось ночевывать у всѣхъ лицъ, составляющихъ ее, такъ что каждый участвующій являлся поочередіи хозяиномъ, принимающимъ гостей, и старался перещеголять гостепріимствомъ и радушіемъ всѣхъ остальныхъ.

Самою близкою и дорогою для меня личностью, конечно, являлся пріятель мой, какъ мы звали его, — Павлюкъ. Довольно состоятельный въ то время помѣщикъ, студентъ послѣднихъ курсовъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, за дряхлостью и болѣзнью отца, независимо распоряжавшійся имѣніемъ, человѣкъ сердечный, привязчивый, отзывчивый и чуткій ко всему хорошему. У Павлюка была только одна слабость, создававшая ему на каждомъ шагѣ враговъ: вышучивать. Ради краснаго словца человѣкъ этотъ не пожалѣлъ бы и родного отца. Шутки его были всѣ мѣткі и ядовиты. Когда не надъ кѣмъ было острить, онъ просто тосковалъ, бывалъ не въ духѣ, посылалъ за извѣстными шутами, составляющими его постоянную свиту, такъ называемый дворъ, и держалъ ихъ по нѣскольку недѣль или даже мѣсяцевъ при себѣ. Но это уже рутіна и скука. Павлюку нужно было всегда что нибудь новое и болѣе интересное для насыщенія жившаго въ немъ демона юмора. Надо было, чтобы жертвы пользовались нѣкоторымъ авторитетомъ. Разоблачить глупость торжествующую, отмѣтить ее неподражаемымъ юморомъ такъ, чтобы она стала ясна всѣмъ, чтобы даже тѣ, которые не смѣютъ смѣяться, кусали-бы губы, удерживаясь отъ смѣха, вотъ это дѣло Павлюка. Случалось, что онъ начнетъ при васъ рассказывать какую нибудь исторію, въ которой вы были однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ, да такъ расскажетъ, что вы сами невольно расхохочетесь надъ вашею же ролью. А разъ, за недостаткомъ матеріала для юмора, онъ рассказывалъ свой романъ, изъ-за котораго самъ чуть-чуть не

погибъ, и такъ себя расписалъ въ этомъ грустномъ романѣ, что слушатели заливались смѣхомъ. Мнѣ стоитъ большихъ усилій, чтобы не рассказать нѣсколько его выходокъ, но воздержусь, боясь отвлекаться отъ разсказа; скажу только, что самый голосъ Павлюка, когда онъ собирался дать представленіе, становился особенно мягкимъ, а лицо совершенно серьезнымъ. Какъ только услышишь первыя ноты и увидишь необыкновенно солидное, сосредоточенное, строгое выраженіе обыкновенно привѣтливаго и смѣющагося лица, такъ начинается что-то подмывать и щекотать въ груди.

У Павлюка была порядочная стайка гончихъ, смычковъ 5, 6, и нѣсколько своръ борзыхъ, изъ которыхъ отличался сѣрый гигантъ Нахаль и знаменитая красногбая Буря.— Но свору свою онъ отдалъ борзятнику, а самъ всю экспедицію совершилъ съ единственнымъ оружіемъ—нагайкою, на какомъ то чудномъ маленькомъ конькѣ горбункѣ—Можаронкѣ. Травить-ли кто-нибудь? гончія-ли сколились-ли, прорвались-ли въ другой островъ, раздался-ли выстрѣлъ въ лѣсу,— Павлюкъ тутъ какъ тутъ, вертится на своемъ Можаронкѣ, празднуетъ побѣду или утѣшаетъ въ неудачѣ.

— „Я такимъ образомъ пользуюсь всѣми впечатлѣніями охоты, наслаждаюсь всею охотою“—объяснялъ онъ намъ.

При Павлюкѣ состоялъ дворянинъ, по прозванію Кошкинъ сынъ. Была у него когда-то собака борзая, Кошка, которую онъ чуть-ли не укралъ гдѣ-то изъ порядочной охоты. Сначала онъ вязалъ ее со всѣми возможными кобелями всѣхъ существующихъ въ уѣздѣ собачьихъ породъ и разновидностей, а затѣмъ, по смерти Кошки, взялъ полученныхъ выборковъ и все увѣрялъ, что это Кошкины дѣти. Далѣе онъ уже не стѣснялся и всякую собаку, къ нему попавшую тѣмъ или другимъ способомъ, онъ выдавалъ за дочь или сына Кошки. Находились дураки, что платили ему деньги и не особенно малыя за такое потомство Кошки.—Конечно, Кошкинъ сынъ числился въ свитѣ шутовъ Павлюка.

Въ числѣ участвующихъ въ сборной охотѣ видное мѣсто занималъ полковникъ Астроминъ, старый почтенный ветеранъ, когда-то славившійся лихими собаками и державшій большую охоту. Теперь Астроминъ одряхлѣлъ, самъ не

можетъ ни влѣзть на лошадь, ни слѣзть съ нея. Ревматизмъ разгуливаетъ по всему тѣлу и мнетъ когда-то могучія кости. Подчасъ больно поднять руку; глаза начинаютъ измѣнять. Состояніе прожито. остался только одинъ уголокъ—старая усадьба, да скромная пенсія, съ трудомъ хватающая на прожитіе одинокому старику. Охота былого времени распродана и разладена. Но недаромъ говорится—охота душе неволи:—Астроминъ продолжалъ держать верховую лошадь и двухъ любимыхъ борзыхъ кобелей. Иногда завладѣетъ тоска по отлѣзшему полю... сѣдлается лошадь, Астромина во всей охотничьей амуниціи сажаютъ на коня, и привычные старые кобели слѣдуютъ за хозяиномъ безъ своры. Единственная прислуга, 15 лѣтній Сенька, садится на мужицкую лошаденку. Домъ запирается и баринъ съ прислугой ѣдутъ на охоту. Старый кавалеристъ больше привыкъ сидѣть въ сѣдлѣ, чѣмъ въ креслахъ и ѣздитъ безукоризненно. Скакать долго онъ, конечно, не можетъ,—за него скачетъ Сенька. Подчасъ не доглядитъ звѣря,—за него смотритъ Сенька. Слѣзть съ лошади, принять звѣря онъ не въ силахъ,—за него принимаетъ Сенька. И охотникъ Сенька горячій, готовъ травить за 3 версты не только матераго волка, но кажется,—выйди слонъ, и того будетъ травить. Какъ этотъ малый не ломаетъ себѣ головы, понять трудно... Астроминъ ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, грозитъ избить его до полусмерти. Не любитъ онъ сильно безтолочи въ охотѣ.—„Что мнѣ толку, говоритъ онъ, что собаки тамъ за пять верстъ заловятъ русака?!.. Онѣ должны взять его тутъ, у меня на глазахъ, чтобы я всю картину видѣлъ. Вотъ это—хорошая потѣха“.

Подобные споры Астромина съ Сенькой немало потѣшаютъ Павлюка. Чуть онъ слышитъ споръ, сейчасъ бросаетъ все и летитъ къ нимъ на Можаронкѣ.

— Баринъ, милый, голубчикъ... пускай... онъ уйдетъ, уйдетъ... стонетъ Сенька.

— Дуракъ, болванъ... развѣ можно?.. Видишь, другіе травятъ... Чего же я буду пускать за десять верстъ!.. погоди.... Мы своего дождемся... Мы, братъ, своего не упустимъ.

— Какъ же не упустимъ, ужъ упустили... Господи Боже мой! люди травятъ полные торока, а мы—смотри... Ужъ сидѣли-бы дома на печкѣ, что-ль... коли травить не можете...

— Какъ ты смѣешь, щенокъ, такъ разговаривать съ бариномъ?!. Вотъ я тебя сейчасъ ожгу плетью... такъ узнаешь печку, какая она бываетъ...

— Ожгу, да ожгу!.. Ипъ, ожигальщикъ какой нашелся!.. Право... Куда ужъ тебѣ ожечь?!. еще не догонишь при старости лѣтъ...

— Сенька, мерзавецъ, поди-ка сюда...

— Дуракъ я, что-ли? не пойду.

— Говорятъ тебѣ—иди...

— Говорятъ—не пойду.

И такъ дальше.

Но за то, когда затравятъ, сцена мѣняется. Тутъ услышишь и Сенька, и Сеньюшка, и баринъ милый, и голубчикъ, и соколикъ.... Совсѣмъ пріатели, любовныя слова пойдутъ.

Въ сборной охотѣ участвовали, главнымъ образомъ, три брата Петровыхъ съ большою стаею гончихъ и десяткомъ своръ, и отставной прапорщикъ Залетаевъ, кутила и хороший теноръ, украшавшій наши охотничьи пирушки и отдыхи задушевными пѣснями. Примазывались къ намъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сосѣдніе дворяне мелкопомѣстные. Доѣзжачихъ было два у Петровыхъ, да одинъ у Павлюка. Вашему покорнѣйшему слугѣ, единственному ружейнику, отданы въ распоряженіе крѣпкія дрожки—бѣгунки, сильная и выносливая лошадь и кучеренокъ.

Я поохотился вволю, набилъ много зайцевъ и даже срѣзалъ кумушку—моя первая побѣда надъ этой красавицей.

Это было первое знакомство мое съ гончими и звѣровыми охотниками.

До того времени я стрѣлялъ только по перу. Тутъ впервые я постигъ, что за умница Водило, какіе обольстительные голоса у Павлюковой Лютни и Петровской Флейты, какая несносная собака Тревожка и во сколько разъ хуже всякой Тревожки болванъ выжлятникъ Левка. Тутъ-жѣ я уз-

наль, что такое доѣзжачій, и ужъ не сводилъ глазъ съ Селивана, до страсти влюбившись въ эту строгую, сумрачную, усатую фигуру. Познакомился я тутъ впервые съ лисьими увертками и, усталый, сонный, не могъ однако заснуть всю ночь. Все грезились лисы.

Но не объ этомъ я хочу рассказать теперь, возвращаясь къ Бишкѣ, этому выдающемуся событію всей нашей тогдашней охоты.

IV.

Мы только что прошли послѣдній островъ Долгихъ кустовъ по принятому нами въ этотъ день направленію. Далеко на самомъ краю горизонта обрисовывалась линія сплошного лѣса, окаймляющая берегъ рѣчки Судака. Туда ушла злодѣйка лиса, позорно нами протравленная; за ней увязалось нѣсколько гончихъ. Это такъ далеко, что не слышно даже ихъ гона. На этотъ день мы не рассчитывали брать Судаковский лѣсъ: хотѣли придерживаться опушки Долгихъ кустовъ, да перебраться небольшіе островка, виднѣющіеся въ противоположной сторонѣ поля. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Сконфуженные охотники съ остатками гончихъ и борзыхъ собрались среди поля. Выжлятники подлавливали разметавшихся собакъ. Селиванъ укатилъ за лисой и частью стаи къ Судаковскому лѣсу. По полю неслись всхлыванья Сеньки, на этотъ разъ получившаго таки давно обѣщанную затрещину, и сердитый голосъ Астромина, распекавшаго его за неумѣстный пылъ и грубости. Я выѣзжаю изъ лѣса; на встрѣчу мнѣ идетъ Павлюкъ и лице его перекосило отъ смѣху.

— Что тамъ?

— Скандаль!.. Старый съ малымъ подрались. Лису проглядѣли. Кошкинъ сынъ прозѣвалъ, а Федя Петровъ изъ рукъ упустилъ.

— А Селиванъ гдѣ?

— Чортъ его знаетъ куда провалился. Должно быть въ Судаковскомъ.

— Что-жъ дѣлать?

Да, что дѣлать? Этимъ вопросомъ задались всѣ, когда нѣсколько поуспокоились, борзые и гончія, остававшіеся въ

Долгихъ и на полѣ, были подловлены и прекратились пререканія и перебранка борзятниковъ между собою. Ъхать въ Судаковскій и далеко и поздно: мѣста много, а день къ вечеру. Ждать Селивана, — кто его знаетъ удастся ли ему вернуть гончихъ? Тамъ большая часть стаи, если не по количеству гонцовъ. Такъ стояли мы молча въ нерѣшительности, поглядывая другъ на друга да покуривая.

— Это что за явленіе?

Все обратились на голосъ Павлюка и дѣйствительно увидели что-то необычайно странное и невиданное. Мимо насъ, полемъ, ѣхаль какой-то толстый господинъ, въ дубленомъ полушубкѣ и каракулевой шапкѣ, а за нимъ масса собакъ всевозможнаго роста, статей и рубашекъ, цѣлый звѣринецъ, гдѣ каждая порода — овчарки, борзые, легавые, простыя дворняжки и даже пудель — имѣли своихъ представителей, слабо напоминающихъ первоначальную породу, какое-то вавилонское столпотвореніе изъ собачьихъ ладовъ. За этою странною стаею трусили два оборванца на двухъ клячахъ.

— Это что за кошкіна семья? вырвалось у Павлюка.

Ему отвѣчалъ нашъ общій громкій хохоть.

Господинъ въ дубленкѣ очевидно обидѣлся и повернулъ отъ насъ. За нимъ повернула его стая и ординарцы.

— Нѣтъ, такъ нельзя! рѣшилъ Павлюкъ. Его упускать не слѣдуетъ.

— Милостивый государь! Господинъ! Пожалуйте къ намъ въ кружокъ... Поохотимся вмѣстѣ.

Господинъ повернулъ къ намъ.

— Для полной коллекціи слѣдовало бы сюда прибавить болонку Маріи Петровны, съострилъ Павлюкъ. — Э, да вонъ и болонка...

Дѣйствительно, у господина въ дубленкѣ изъ-подъ борта торчала черненькая головка маленькой комнатной собаченки.

Новый взрывъ хохота. Господинъ серьезно посмотрѣлъ на всѣхъ и приостановилъ лошадь, не зная, подѣзжать къ намъ или нѣтъ.

— Да подѣзжайте, подѣзжайте, приглашалъ Павлюкъ, мы люди простые, не кусаемся, такъ только побесѣдуемъ... Позвольте познакомиться...

Началось представлѣніе. Господинъ оказался управляющимъ одного изъ сосѣднихъ имѣній и зналъ всѣхъ собравшихся охотниковъ по наслышкѣ.

— Скажите пожалуйста, началъ Павлюкъ, напустивъ на себя солидность—это что-же такое?

— Какъ видите, собаки.

— А за чѣмъ-же вы ѣздите съ ними?

— За тѣмъ-же, за чѣмъ и вы.

— Мы вотъ лисицъ протравливаемъ, укололъ Павлюкъ, посмотрѣвъ на Федю Петрова.

— А мы зайцевъ добываемъ

— Какъ, съ этими?

— Да-съ, съ этими. И не меньше, чѣмъ вы съ вашими.— Не вѣрите?.. Ну-ка, Прошка, покажи.

Одинъ изъ оборванцевъ повернулся къ намъ бокомъ. У него висѣло нѣсколько лохмотьевъ, бывшихъ когда-то зайцами.

Павлюкъ провелъ рукою по рожѣ, вѣроятно, чтобы расправить мускулы смѣха и сохранить солидность.

— Хорошо, хорошо... даже очень похвально, проговорилъ онъ въ носъ. Понимаю, понимаю. Вы, значитъ, подстрѣлите, а онѣ доѣдаютъ.

— Вы все смѣтаетъ, Павелъ Николаевичъ.. Зайцы не стрѣляные... у меня съ собой даже и ружья нѣтъ.

— Ну, такъ какъ-же это вы добыли ихъ?

— Такъ-же, какъ и вы... Травлю ихъ собаками.

— Этими?

— А то какими-же?

— Ну, что же онѣ у васъ борзья, гончія, или то и другое вмѣстѣ?

— Куда намъ борзья... гончія. Это у васъ такъ.

— А у васъ?

— У насъ, какъ придется. Гдѣ погоняетъ, гдѣ словить...

— Хорошія собаки, очень хорошія!—Ну, а вотъ эта пестренькая, тигровая, хвостъ закорючкой—тоже гоняетъ и ловить?

Опять взрывъ хохота.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь, а я васъ всѣхъ все-таки об-
травлю, обидѣлся управляющій.

— Нѣтъ, да вы не обращайтесь на нихъ вниманія, умолялъ
Павлюкъ... Какіе это охотники! они и понятія не имѣютъ
объ охотѣ... Я теперь знаю:—это такъ называемая парфорс-
ная охота. Это самый лучший спортъ. Имъ вотъ дико, а
мы съ вами понимаемъ: въ Англіи эта охота въ славѣ съ
незапамятныхъ временъ. Ну, куда же имъ знать это? Вотъ
Федя ни одной книги съ роду въ руки не бралъ... за то и
исключенъ изъ 2-го класса гимназіи да гоняетъ теперь зай-
цевъ да голубей... Ну-съ, а мы съ вами поговоримъ серьезно.
Скажите пожалуйста, какъ вамъ удалось вывести эту породу?

— Никакъ я не выводилъ породы, да и некогда мнѣ
этими пустяками заниматься. Плодятся себѣ, какъ знаютъ,
а въ праздничное время, поѣздишь, потравишь... тоже надо
и отдохнуть и удовольствіе себѣ доставить...

— Такъ-съ, такъ-съ... пѣлъ Павлюкъ. Ну, а эта собачка,
что у васъ за пазухой, тоже смотритъ... удовольствіе себѣ
доставляетъ... Вы, должно быть, очень любите ее.

— А эта собачка дорогихъ денегъ стоитъ, я за нее не
возьму всѣхъ вашихъ кобелей.

— Что же она служитъ?..—лапку даетъ?.. мертвой при-
кидываться умѣетъ?.. продолжалъ Павлюкъ самымъ серьез-
нымъ голосомъ.—Покажите, покажите, это очень интересно.

— Вы не повѣрите, а я вамъ скажу, что ни одна гон-
чая такъ не работаетъ, какъ Вишка...

Въ это время изъ-за пазухи выползъ маленькій кинг-
чарльзъ, очень стройненькій, съ шелковой волнистой шер-
стью; онъ помѣстился на сѣдлѣ и лизалъ руки ласковаго
хозяина. На немъ былъ нарядный ошейничекъ съ бубенчи-
комъ.

— Да вѣдь заяцъ вдвое больше собаки. Онъ ее въ два
глотка проглотитъ... Да она въ порядочномъ ржищѣ заблу-
дится...

Опять хохотъ.

— Эхъ, господа! чѣмъ зубы-то скалить, давайте на споръ...
Вонъ островъ, тамъ попадаются зайцы. Хотите, попробуемъ,
у кого пойдетъ лучше...

— Это очень, очень любопытно, подстрекалъ Павлюкъ. Охотники стали протестовать.

— Мы выѣхали на охоту, а не шутовствомъ заниматься.

Астромиръ объявилъ, что онъ уѣдетъ домой. Но Павлюкъ упрашивалъ, убѣждалъ доставить удовольствіе; вѣдь все равно безъ Селифана некуда двигаться... а тутъ, что стоять?.. Ну, пусть стоятъ вдаль и не принимаютъ участіе...

Нехотя тронулись мы къ острову за странную стаю.

Островъ представлялъ изъ себя длинную, но узкую полосу лѣса, перегнутую подъ тупымъ угломъ. Я сталъ на дорожкѣ, пересекающей въ этомъ мѣстѣ лѣсъ на самой серединѣ, такъ что мнѣ видны были и правая и лѣвая опушки. Борзятники тронулись нехотя и безъ всякаго порядка, очевидно, не рассчитывая охотиться; гончихъ вѣрно не пускать. Одинъ только Павлюкъ весело трусилъ на Можаронкѣ около хозяина Бишки.

Подѣхавъ къ одному концу лѣса, хозяинъ Бишки крикнулъ собакамъ и онѣ исчезли въ лѣсу. Долго раздавались беспорядочные взбрехи, пока наконецъ какая-то собака, ближе всѣхъ стоящая къ породѣ гончихъ, нѣсколько разъ взвизгнула по зрячему. Тутъ управляющій погладилъ Бишку и спустил ее съ сѣдла. Черезъ нѣсколько минутъ вся картина преобразилась. Вдоль по линіи лѣса полетѣлъ серебряный голосокъ, необыкновенно звонкій и непрерывный, даже не похожій на собачій взбрехъ, а какъ будто какой-нибудь электрическій звонокъ изъ звучаго металла, сильно заряженный, летить и звенить по землѣ. Вся странная разношерстная стая тутъ стала являть свое искусство, кто во что гораздъ: однѣ будто гонять, другія лаютъ, третьи визжать, четвертые воютъ. Поднялся такой-же концертъ, какъ въ оркестрѣ, когда настраиваютъ инструменты. Но весь этотъ гамъ и лай, невыносимый для ушей, покрывался одной правильно звучащей, жгучей страстной нотою.

Мимо меня прокатилъ бѣлякъ, шагахъ въ 20 отъ него пронеслась звучащая Бишка, а еще въ 20 шагахъ въ разныхъ направленіяхъ вся кошкина семья, какъ ее называлъ Павлюкъ.

— Восторгъ!—крикнулъ мнѣ промчавшійся полемъ Павлюкъ. Глаза его горѣли, лице покраснѣло, ротъ раскрытъ не то отъ быстрой ѣзды, не то отъ удовольствія.

Островъ отстоялъ далеко отъ другихъ острововъ; бѣлякъ не вышелъ изъ него, а повернулъ обратно, и вся стая съ зайцемъ и Бишкою во главѣ опять промчалась мимо меня. На этотъ разъ къ ней присоединились наши гончія, которыя при первыхъ же звукахъ Бишкина голоса взбеленились и вырвались у разинь-выжлятниковъ.

— Не стрѣляй, пожалуйста, проговорилъ проскакавшій мимо меня по опушкѣ Павлюкъ.

Этого, пожалуй, можно было и не говорить. До стрѣльбы-ли тутъ?—Смотрю по сторонамъ: ужъ и борзятники настожились по полю, внутри угла образуемаго обоими концами острова. Одного Астромина не видать, а то всѣ на чеку, караулятъ... у охотниковъ и борзыхъ ушки на макушкѣ. По третьему ходу (вдоль острова) заяцъ далеко опередилъ собакъ, у меня на глазахъ сдѣлалъ нѣсколько петлей и скидокъ и исчезъ въ чащѣ, какъ мимолетный метеоръ. Бишка пронеслась, сбилась и замолкла. Опалѣлыя собаки всѣ разбросались и наступила полная тишина. Ужасно смѣшно раздаются маленькіе, быстрые шажки, погромыхиваетъ бубенчикъ, подвѣшенный къ Бишкину ошейнику, появляется маленькая мордочка:—прелестная собаченка, которой только бы лежать на мягкихъ шелковыхъ подушкахъ, подъ бѣлою дамскою ручкою, суетится, возится въ кустахъ, листьяхъ, въ сплошномъ палочникѣ, нюхнетъ тамъ, откинется, нюхнетъ въ другомъ мѣстѣ, опять динь... динь... динь...—Стала... опять суетится. Но вотъ она нѣжно взвизгнула, точно какой-нибудь неловкій ухаживатель за ея хозяйкою, въ пылу увлеченія, наступилъ ей на ножку, и опять залилась высокою волшебною ноткой, отъ которой взбѣсилось все, бывшее на охотѣ: и гончія, и борзья, и вся Кошкина семья, и охотники, и лошади, а больше всѣхъ Павлюкъ и Сенька.

При слѣдующемъ четвертомъ ходѣ изъ конца въ конецъ бѣлякъ выскочилъ на поле. Тутъ произошла картина невообразимая, не поддающаяся никакому описанію. Впереди бѣлый комочекъ, сзади гончія, за ними какія-то существа

всѣхъ видовъ и колеровъ, кой-гдѣ борзые, быстро скачущіе и стрѣлами выдѣляющіеся изъ всей оравы, за борзыми по-лоумные, ничего не понимающіе охотники, борзятники, выж-лятники, плачущій Сенька и всюду снующій Можаронокъ съ Павлюкомъ. Все это брешетъ, лаеетъ, стонетъ, визжитъ и оретъ дикими голосами. Моментъ—и общая свалка. Кое-кто и кое-что падаетъ на землю. Все несется впередъ и останавливается въ живописныхъ, необыкновенныхъ позахъ. Глазъ не успѣваетъ уловить всѣхъ подробностей картины... А бѣлякъ давно отдѣлился отъ беспорядочной гучи и катитъ въ островъ обратнымъ путемъ. Уловка понятная и у этого умнаго звѣря очень обыкновенная. Видя, что его сейчасъ растерзаютъ въ клочки, бѣлякъ сразу сѣлъ и сжался. Вся дикая банда звѣрей и людей, его преслѣдующая, въ силу инерціи, перевалила черезъ него мимо. Пока остано-вились, пока опомнились, а бѣлякъ повернулъ оглобли и опятъ въ островъ. Помни себя хоть одна собака, хоть одинъ человѣкъ, хоть одна лошадь, и плохо пришлось бы бѣднягѣ, не отличающемуся особой быстротой бѣга. Но въ томъ-то и дѣло, что чародѣйка Бишка всѣхъ очаровала, и опьянила своимъ пѣніемъ и собакъ, и людей, и лошадей.

Пятый ходъ былъ самый беспорядочный. Ничего не устояло: все, что было въ полѣ, кромѣ единаго непоколеби-маго Астромина, ударилося въ кусты. До сихъ поръ не понимаю, какъ еще обошлось благополучно, никто не расшибся, и ни одна собака не свернулась. Не понимаю, какъ меня не смяло это дикое полчище, въ полномъ безуміи страсти несущееся черезъ кусты со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ направле-ніяхъ.

А Бишка все время впереди всѣхъ.

На шестомъ ходѣ она повисла у зайца на горлѣ. Нагрянула вся орава и, конечно, бѣлякъ былъ разнесенъ въ дребезги такъ, что отъ его существованія остались только мокрота и воспоминанія...

Долго намъ пришлось успокаивать Астромина; онъ ругался и ворчалъ.

— Хорошо тебѣ, подлецъ, летать на Можаронкѣ, а посадилъ бы я тебя на этого черта, (на его, Астромина.

коня) посмотрѣлъ бы я, какъ бы ты разлетѣлся...—Охота!.. какая это охота?... безобразіе одно, а не охота...

Дѣло въ томъ, что Бишка увлекла буквально все живое, увлекся и Астроминскій конь и скovyрнулъ бѣднаго старика.

Къ концу бѣшеной гонки, какъ то сами собой отъявились Селиванъ съ остальною стаею.

Весь вечеръ прошелъ у Петровыхъ въ попойкѣ и въ приставаніи Павлюка къ управляющему, чтобы онъ продалъ ему Бишку; цѣна дошла уже до сотенъ рублей.

Бишка продана не была. Рано утромъ хозяинъ опять усадилъ ее за пазуху и увезъ домой, ни съ кѣмъ не простившись.